

Я ХОТЕЛ БЫ С ПЕСНЕЙ УМЕРЕТЬ...

И любовь, и боль, и смертный бой,
Песня всё пережила с тобой.
Если умирая можно петь,
Я хотел бы с песней умереть...

Владимир Тихонов

Великая Отечественная война полностью опровергла широко известный афоризм: когда говорят пушки – музы молчат. Причина, видимо, в том, что в суровых условиях, когда решается судьба народа, нации, государства, когда на защиту своего Отечества единым махом поднимаются все без исключения граждане, музы тоже словно бы берут в руки оружие, становятся закалённой, выносливей, звонче. Сам характер всенародной войны вдохновлял талантливых творцов слова и музыки на высокое одухотворяющее искусство.

В самом деле, ни афганская, ни чеченская войны, ни прочие военные конфликты, в которые то и дело бросают Россию, так и не подвинули наших поэтов, композиторов, писателей на создание художественных шедевров – да и не могли подвинуть: не те войны, не тот пафос – не столько героико-патетический, мажорно-утверждающий, сколько страдательно-скорбный, болезненно-трагический...

А вот Великая Отечественная война была для нашего народа войной национально - освободительной, судьбоносной, вдохновляющей на великие подвиги и благородную славу, бой ведь «шёл не ради славы, ради жизни на земле», как точно сказал великий русский поэт Александр Твардовский. Высочайший духовный подъём, рождённый праведной борьбой, не мог не повлиять благотворно на все виды искусства, на всё творчество. Музы поистине т р у д и л и с ь во имя защиты Родины и великой Победы.

Первой горячо, пламенно и страстно откликнулась на эпохальные события поэзия и её самый нежный, самый трепетный жанр – лирика. Кровь, невероятные страдания, насилие, казалось бы, должны были породить ответную жестокость и убить в человеке всё духовное. Ан нет! С невероятной, несокрушимой силой наши люди тянулись к доброте, нежности, любви, бережно хранили в душе свет веры и надежды на мир, счастье и покой.

Песня стала основным видом советского искусства в годы войны. Едва прогремели первые залпы в июне 41-го на западных рубежах, как появилась главная песня войны, ставшая легендарной, песня-гимн, песня-история, песня-призыв – «Вставай, страна огромная!»

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой тёмною,*

*С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идёт война народная,
Священная война!*

Это о ней поэт Владимир Тихонов написал:

*И любовь, и смертный бой
Песня всё пережила с тобой.
Если умирая можно петь,
Я хотел бы с песней умереть...*

Поэт Константин Ваншенкин вспоминает: «Весьма удивительное открытие. Перебирая сегодня песни войны, я вдруг обнаружил, что в нашей политизированной до предела стране и армии лучшие из этих песен оказались откровенно аполитичны, т.е. в них не было никакого прямого лозунга, демагогии, партийной заданности, ни намёка на политику, это были просто по-настоящему хорошие, человеческие песни, в чём и заключалось их явное достоинство».

В отчаянно-роковом 41-м, когда грозный и жестокий враг уже в бинокли разглядывал русскую столицу и готовился провести свой победный парад на Красной площади, зазвучала строевая «Песня защитников Москвы»: «*Нам Сталин дал волю и силу, могуч наш порыв боевой*». Стихи для неё написал Алексей Сурков – один из руководителей Союза писателей, по сути, казалось бы, партийный поэт. Но вот он же одновременно пишет стихотворение «В землянке». Положенное на музыку Константином Листовым, оно стало воистину народной песней, которую уже не забудут:

*Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...*

Пронзительно-щемящая «Землянка» появилась зимой сорок первого в заснеженном фронтовом Подмоскowie и всю войну согревала солдатские сердца ласковым огоньком любви и неумирающей надежды.

А вот удивительно проникновенное стихотворение В. Агатова, ставшее песней (музыка Н. Богословского) из кинофильма «Два бойца», в неподражаемом исполнении Марка Бернеса. При его звучании донныне обнажают головы ветераны и плачут, не стесняясь слёз.

*Смерть не страшна,
С ней не раз мы встречались в степи,
Вот и теперь надо мною она*

*Кружится.
Ты меня ждёшь,
И у детской кровати не спишь,
И поэтому знаю: со мной
Ничего не случится!..*

Согласитесь, слова почти самодеятельные: что это за рифма – мерцают-утираешь?.. Но, может быть, именно благодаря этой обезоруживающей наивности и безыскусной простоте песня действует с невероятной силой, цепляет за душу до сих пор.

Популярный актёр, Марк Бернес впервые запел на экране. Песни его имели потрясающий успех и с ними он сошёл с экрана на концертную площадку. Здесь прочно утвердился как эстрадный певец. Впрочем, сам он себя певцом никогда не называл, справедливо считая, что пение предполагает в о к а л, т.е. данный природой голос, следование особым певческим законам, наличие особых музыкальных данных. У Бернеса такого голоса не было, поэтому он обычно говорил: «Я вам н а п о ю такую-то песню...»

Напевал он самый разнообразный репертуар. Но публика редко отпускала его со сцены, не услышав полубившиеся по фильмам «Тёмную ночь» или «Шаланды, полные кефали»...

С лучшими песнями случилось удивительное: они лирикой души и сердца смело вышли за рамки ограничений и идеологических запретов.

Вот, к примеру, «Случайный вальс». Хотя первоначальный заголовок был гораздо точнее – «Офицерский вальс». Но кому-то показалось, что это бросает тень на советского офицера. Тем более, что сперва пелось: «...и лежит у меня на погоне незнакомая ваша рука». Конечно, на погоне, т.е. на плече, где при вальсе и должна находиться рука женщины. Кое-кто из вершителей судеб и людей, и песен был покороблен этим: «Погон – дело святое». И поэт Е. Долматовский смирился: он сделал «на ладони». Это особая, таинственная, элегантная, непохожая на другие песня (музыка М. Фрадкина):

*Ночь коротка, спят облака.
Я знакомую музыку вальса
Услыхал в тишине городка...*

Известно, что у немцев не было хватающих за душу песен – только бравурные, только воинственные. Однако немцы пели лирические песни, но... наши и прежде всего неподражаемую «Катюшу». А мы их песен не пели и не могли петь...

В этой связи - любопытная история. В конце лета сорок первого армейский газетчик Евгений Долматовский был ранен, попал в окружение, а затем и в плен. Вместе с другими он лежал на земле в сарае, ожидая своей участи. А снаружи ходил часовой и напевал что-то знакомое. И вдруг Долматовский понял: это была песня М. Блантера на е г о стихи «Моя любимая». «В кармане маленьком моём есть карточка твоя. Так, значит, мы

всегда вдвоём, моя любимая...». Вернее, был лишь мотив, ибо слова – он знал немецкий – были прямо противоположного смысла: «У меня нет воспоминаний, у меня нет школьных друзей – у меня есть только моя рота!.. У меня нет любимой девушки – у меня есть только моя рота».

Е. Долматовскому удалось бежать, израненному и голодному пройти лесами по оккупированной территории. Впереди ещё была долгая война и столько прекрасных песен. «Вечер на рейде» (музыка В. Соловьёва-Седого, слова А. Чуркина), «Шумел сурово Брянский лес» (музыка С. Каца, слова А. Софронова), «Моя Москва» (музыка И. Дунаевского, слова М. Лисянского), «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» и душу рвущие «Соловьи» (музыка В. Соловьёва-Седого, слова А. Фатьянова), «Старинный вальс» (музыка М. Блантера, слова М. Исаковского), «Огонёк» (на стихи М. Исаковского). А музыка? Музыка неизвестного автора, чудом навсегда соединившаяся с этими трепетными словами:

*На позицию девушка
Провожала бойца,
Тёмной ночью простилась
На ступеньках крыльца...*

Кажется, можно бесконечно продолжать этот список, в котором каждая песня стала народной. Но песни войны продолжали появляться и дальше, уже в мирное время. Как, например, «Враги сожгли родную хату» - песня 45-го года. Она была жестоко разгромлена тогдашней идеологической критикой. Причина понятна: у солдата, потерявшего семью, катится по щеке «слеза несбывшихся надежд». Несбывшихся?! В победный год?! Кошунство! Но эта песня была и есть одной из многих, которые воистину «не задушишь, не убьёшь», потому что самым эрудированным и главным критиком всегда был народ.

В один ряд со звучавшими в землянке, в лесу прифронтовом на позиции встали «Журавли» (музыка Я. Френкеля, слова Р. Гамзатова), «Серёжа с Малой Бронной» (музыка А. Эшпая, слова Е. Винокурова), «На безымянной высоте» (музыка В. Баснера, слова М. Матусовского) – десятки песен, по сути продолжающих летопись войны, начавшуюся с «Вставай, страна огромная!» и завершившуюся рождённой в семидесятых «...Это – праздник со слезами на глазах»...» Впрочем, завершившаяся ли?..

Да, иные сегодня песни, большинство из которых подобны бабочкам-однодневкам. И никакие сверхмощные акустические системы, световые эффекты и глицериновые дымы не продлят на годы жизнь примитиву, пошлости и бездуховности. А песни войны – простые, душевные, искренние – будут жить и жить, потому что они – это сама жизнь в труднейших фронтовых условиях, это наша история, наша вечная, немеркнущая память.

Но вернёмся к поэзии боевой поры. Под грохот канонады раскрылся удивительно чистый, проникновенный, звенящий серебряной звенью талант

Константина Симонова. Нынче мало кому из молодого поколения известно, что лирический дар поэта питала его пылкая любовь к популярной артистке, ставшей его женой, Валентине Серовой.

Хрупкая, обаятельная, неудержимо-эмоциональная – такой была эта неподражаемая женщина, в которую просто нельзя было не влюбиться, особенно столь же экспрессивному, импульсивному Симонову. Это была женщина, способная терять голову, но такая, из-за которой не грех и самому голову потерять, - вспоминают современники.

Поэтизируя свои, казалось бы, личные чувства и настроения, Симонов будоражил сердца всех читателей. В судьбах его героев каждый отчётливо видел и с в о ю собственную судьбу. Такова волшебная сила искусства.

*Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди!*

.....
*Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.*

.....
*Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня...*

Другое симоновское творение – «Открытое письмо женщине из г. Вичуга» скорбно запечатлело то, что подспудно тревожило многие души. Погиб в ночном бою лейтенант, чей-то муж. А на рассвете пришла почта.

*Письмо нам утром принесли
Его, за смертью адресата,
Между собой мы вслух прочли –
Уж вы простите нам, солдатам.*

.....
*Вы написали, что уж год
Как вы знакомы с новым мужем,
А старый, если и придёт,
Вам будет всё равно не нужен...
Что вы не знаете беды,
Живёте хорошо. И, кстати,
Теперь вам никакой нужды
Нет в лейтенантском аттестате.
Чтоб писем он от вас не ждал,
И вас не утруждал бы снова...
Вот именно: «не утруждал» -*

Вы побольней искали слово...

Далее соратники погибшего лейтенанта уже обращаются ко всем жёнам и невестам сражающихся фронтовиков, как бы обобщая горькую солдатскую тревогу.

*Не вам, а женщинам другим,
От нас, отторженным войною,
О вас мы написать хотим,
Пусть знают – вы тому виною,
Что их мужья на фронте тут
Подчас в душе борясь с собою,
С невольною тревогой ждут
Из дома писем перед боем.
Мы ваше не к добру прочли,
Теперь вас в тайне горечь мучит:
А вдруг: не вы одна смогли
Вдруг кто-нибудь ещё получит?..*

.....
*Примите же в конце от нас
Презренья наше на прощанье.
Не уважающие вас
Покойного однополчане.*

По поручению офицеров полка К. СИМОНОВ.

Исполненное словно по социальному заказу, это стихотворное послание заучивали наизусть, переписывали, посылали родным и близким, оно вдохновляло, вселяло надежду, предупреждало от жизненных ошибок и легкомыслия, благотворно влияло на чувства, настроения, судьбы.

...Советский Союз был страной великого искусства, великой литературы. Пример тому - необычайно правдивая, горькая и вместе с тем жизнерадостная поэма о солдате на войне Александра Твардовского «Василий Тёркин». В ней и бьющая ключом бурная радость жизни, и трагическая боль невосполнимых утрат, и вселенское многотерпение русского человека-воина, и лихой героизм, и безоглядная удаль, и терпкий солдатский юмор, в ней всё понятно, всё на сочном и образном русском языке. Это – поэма о народе и для народа.

...Начальника Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакова мучили сомнения по поводу «Тёркина». Особенно – глава «Наступленье». В ней воспроизведена гибель командира, поведшего бойцов в атаку:

*Только вдруг вперёд подался,
Оступился на бегу,*

Чёткий след его прервался
 На снегу...
 И нырнул он в снег, как в воду,
 Как мальчонка с лодки в вир,
 И пошло в цети по взводу:
 - Ранен. Ранен командир!
 Подбежали. И тогда-то –
 С тем и будет не забыт, -
 Он привстал: - Вперёд, ребята!
 Я не ранен. Я убит...
 Край села, сады, задворки –
 В двух шагах, в руках вот-вот.
 И увидел, понял Тёркин,
 Что вести его черёд.
 - Взвод! За Родину! Вперёд!

Прочитав эти строки, А.С. Щербаков глубоко задумался: «Надо бы поправить товарища Твардовского, чтобы заменил только одно слово текста»:

- *Взвод! За Сталина! Вперёд!*

О его намерении доложили И.В. Сталину. И вот как тот себя повёл. «...У каждого поэта своё виденье, свой подход. Один напрямик выражает свои чувства, в том числе по отношению ко мне:

*А в те же дни на расстояньи
 За древней каменной стеной,
 Живёт не человек – деянье,
 Поступок ростом в шар земной.*

- Пастернак, - узнал Молотов.

- Верно, это Борис Пастернак нас возвысил или, лучше сказать, расширил до такого размера. А поэт Твардовский скромнее в оценках. Или, воспевая подвиг солдата, подвиг народа, тем самым воспекает и нас, руководителей. Вот что надо понять. Нельзя от птицы требовать, чтобы она пела не своим голосом. Петь перестанет. Указывать поэту, чтобы он писал о нас, я не могу, прав у меня таких нет. А указать начальнику Главного политического управления, чтобы он не вмешивался в творчество Твардовского, мы можем и даже обязаны. Николай Алексеевич, дайте, пожалуйста, чистую корректуру без художеств товарища Щербакова. Взял оттиск, размашисто начертал под текстом свою фамилию и поставил дату» (Цит. по роману В. Успенского «Гайный советник вождя». – Молодая гвардия. 1996, № 7, С. 115).

Как свидетельствуют современники, И.В. Сталин обладал тонким поэтическим чутьём, литературу прекрасно знал, разбирался в ней, глубоко

